
Александр А. Сальников
Ветлуга
поёт
о вечном
Том 7

Александр Сальников

Ветлуга поёт о вечном (Том 7)

«Автор»
2026

Сальников А. А.

Ветлуга поёт о вечном (Том 7) / А. А. Сальников — «Автор», 2026

В седьмом томе поэмы "Ветлуга поёт о вечном" публикуется седьмая из восьми частей поэмы. Поэма рассказывает об истории Великого Поветлужья и распространении христианства на средневековой Руси.

© Сальников А. А., 2026
© Автор, 2026

Александр Сальников
Ветлуга поёт о вечном (Том 7)

Часть седьмая

Последний стан

«Вышла из берегов река, обрушилась на дом тот, но не смогла его сдвинуть, потому что он выстроен на совесть».
(Св. Евангелие от Луки 6:48)

1. Новая война

Время птицей летит над Ветлужской землёй,
Гонит соколом стайки потерянных дней.
Неизвестно, куда птица-время летит,
Но махнёт лишь крылом – день уходит в зарю.
С каждым взмахом крыла день терялся в веках.
Время ветром летит над Ветлугой-рекой
От зари до зари, не сбавляя свой бег.
Время ветры несёт, ветры – время несут,
Словно кони несутся над тихой рекой.
Кони-ветры! На запад ли мчатся они,
На восток ли, на север, на юг, – всё равно.
Каждый раз они время уносят с собой
И назад уж его ни за что не вернуть.
Жаркий конь Южный Ветер нёс время в седле;
Пролетев над Ветлугой, пригнал он весну.
Пробудилась природа от зимнего сна,
Оживилась, готовилась выпустить цвет,
Зрели почки, а в них набухала листва.
А за Волгой-рекою и раньше того
Разгулялся апрель, одарил всех теплом.
Там, в Казани, в роскошном и новом дворце
Отдыхал старый царь, хан Улу Мухаммед,
Или просто Махмед. Но не весел он был.
Вспоминал хан Махмед, как два года назад
Брат его, хан Кичим, звали также его
Хан Кичи Мухаммед, так как младше он был, –
Из Орды его выгнал. Улу Мухаммед
Взял с собою семью и покинул Сарай.
С небольшим своим войском тогда подошёл
Он к границам Руси и под Тулою встал.
Дивный город Белёв приютил беглеца…
Долго хан вспоминал, долго думал о том,
А потом он решил, что не худо бы всё,
Что случилось, вложить в летописный канон.

Он призвал летописца и стал диктовать.
Рассказал о конфликте двух братьев, о том,
Как бежал из Орды, как в Белёве осел.
– Так теперь запиши, – говорил старый хан. –
Он хотел укрепиться, мол; войско собрать,
Чтоб в Сарае потерянный трон возвратить.
На великого князя надеялся он,
На Василья Второго, которому сам
На княжение некогда выдал ярлык.
И послал он к великому князю Москвы
Двух гонцов, чтобы помощь просить и дружин.
Но коварством Василия был оскорблён.
Вместо помощи тот выслал дерзкий ответ:
«Пусть уходят неверные с нашей земли!»… –
Вспомнил хан, как же горько страдал он тогда,
Сокрушался в душе и к Аллаху взывал.
Был он гордым правителем. Князя гонца
Без ответа назад он отправил, в Москву.
– Так пиши! – говорил между тем старый хан. –
Но коварный Василий ответа не ждал.
Он двоюродных братьев на хана послал.
Дмитрий Красный с Шемякой войною пошли
На Улу Мухаммеда. И с ними ещё
Много разных князей. Рать они повели
В двадцать… нет, сорок тысяч военных людей
Против… трёх тысяч хана. Да, пусть будет трёх…
Написал? Хорошо. А теперь запиши,
Что в дороге немало и русских земель
Они грабили войском огромный своим… –
Вспоминал старый хан, как едва он узнал
О войсках, сразу выслал гонца своего,
Чтоб позорного мира у русских просить.
– Так пиши! – говорил между тем старый хан. –
Только Дмитрий Большой, что Шемякой зовут,
С Меньшим Дмитрием, братом, что Красным зовут,
Не послушали просьб. Захотели войны
И напали на город. Жестоким был бой.
Много воинов пало. Погиб в том бою
Хана зять, Таганай. Написал? Хорошо.
Напиши, что осталась у хана всего
Только тысяча воинов, храбрых солдат.
На второй день хан к русским направил послов.
Три мурзы умоляли войну прекратить.
Обещал хан Василию, ежели тот
Трон Сарая поможет ему возвратить,
То вернёт ему хан сумму дани тогда,
Что Сараю тот выплатил прежде, и впредь
Никогда не потребует дани с него,
Даже сам он согласен платить ему дань.

А что слово его будет верным вовек,
Сына он как заложника князю отдаст. –
Вспоминал старый хан униженья свои,
Как позорного мира у русских просил.
Гневом сердце кипело и местью цвело.
– Так пиши! – говорил между тем старый хан. –
Не послушали русские ханских послов.
Наконец, хан просил перемирие дать
Хоть на день. Но не шли на уступки они.
Ранним утром (тогда был декабрьский мороз).
Хан Улу Мухаммен под ракитою сел,
Совершил омовение чистой водой,
Сотворил два раката намаза, прося
Со слезами Аллаха помочь, защитить.
И, закончив молитву, вскочил на коня,
Крикнул верному войску: «Велик наш Аллах!»
И повёл свои рати в решительный бой.
Ярость верного войска была велика,
Каждый знал: гибель он или славу найдёт.
И под натиском дрогнули рати врагов,
Пала самоуверенность русских князей,
В беспорядке и страхе бежали они.
Сорок тысяч разбил хан Улу Мухаммед
Лишь одной только тысячей храбрых бойцов.
Долго гнались за русскими хана войска
И рубили бегущих… Ну, как, записал?
А потом, напиши, хан пошёл на Казань.
Новый город отстроил. Правителем сел
И над Волгой Казанское ханство поднял.
И к нему черемисы, булгары пошли,
Чуваши и другие народы, прося
Стать правителем их, земли их защитить
От набегов грабительских русских князей
Да ушкуйников… Ну, записал? Хорошо.
Всё оставь и ступай. Позовите чтеца!
Пусть прочтёт он мне то, что писец написал. –
Ханский чтец и баюн, что ему перед сном
Много сказок и былей поведать успел,
Не замедлил явиться. Он летопись взял
И читал Улу хану. Тот, молча, внимал.
Вдруг ударил рукою о трон старый хан
И велел он немедленно к трону позвать
И своих сыновей, и визиря Мави́.
А когда те пришли и упали пред ним,
Так сказал он мурзе и визирю Мави́:
– Долго силы для мести копил я. Пора!
Собирай наши рати к походу на Русь! –
И опять он ударил о трон кулаком,
И Мави́, не вставая, из зала уполз.

А своим сыновьям так сказал Улу хан:
– Сыновья мои, встаньте! Вы – сила моя!
В мире или в войне – я надеюсь на вас.
Смело дрались вы прежде во многих боях!
Только враг наш ещё не склонил головы.
Так готовьтесь к походу! На Русь мы идём. –
Сыновья удалились. Велел Мухаммед
Всем уйти и оставить его одного.
Вспомнил хан и о том, как вернулся назад
От Ветлуги Ибраг, как ему рассказал
О воинственном русском, что с войском своим
Притесняет марийцев, и что отобрал
Пол-добычи его, пол-отряда побив.
«Ничего, – думал хан, – и Ветлуга-река
От меня не уйдёт. Там марийцы пока
Без меня пусть справляются. Мне же пора
За обиды Московских князей наказать…».
Взял он летопись, долго смотрел на неё
Да всё думал о новом походе своём.

2. Вербные веточки

На Ветлуге тем временем, как и везде,
Жаркий конь Южный Ветер нёс время в седле.
Пробудилась природа от зимнего сна,
Оживилась, готовилась выпустить цвет,
Зрели почки, а в них набухала листва.
И Ветлуга опять залила берега.
А у иноков дни проходили в труде.
Стан иным стал. Над дверью под старым крестом
Тихон вделал икону, что вырезал сам:
Ясли в тесном хлеву; ослик с агнцем стоят;
И Иосиф чуть сбоку; а в центре всего
Дева светлая с тихой улыбкой сидит,
В покрывале у Девы на нежных руках,
Богоравный младенец в пелёнках лежит.
Слева, с краю, – волхвы, что дары принесли;
Справа – ангел стоит, не замечен никем.
Краски сделав из ягод, грибов и коры,
Он раскрасил икону, смолою покрыл.
И дивились иконе сияющей все.
Сам же стан был весьма и весьма обновлён
И украшен резьбой на библейский мотив.
И приделы Макарий построил к нему.
В стане больше уже не сушилась трава,
Но для этого сделали тёплый сарай
С сеновалом. Знахарка и рада была.
А самой же знахарке – отдельный придел
Возвели, чтобы с внучкой и зятем она

В час любой приходила. Зять Яшка всегда
Рад помочь был работе по стану любой:
Что монахи ни скажут, он всё выполнял.
Брат Варнава в приделе им печку сложил.
Слух о стане святом разлетелся давно
По окрестным селениям дальше Булакс.
В половодье спустились монахи к реке,
Чтобы вербы на праздник Господень набрать.
Предложил то Варнава: украсить весь стан
И деревни пушистым весенним цветком
Вместо пальмовых веток, и этим они
Радость выкажут Господу в праздник его.
Дети, девушки тоже за вербой пошли,
Понабрали букеты пушистых ветвей,
Чтоб украсить весь стан в день воскресный, святой;
Чтоб украсить в деревне дома и дворы.
Так марийцы давно украшали дома
В дивный праздник весны, что справляли всегда.
Брат Варнава охапку набрал и понёс,
Да на ветви сырой, что у самой воды
Под ногою стелилась, тянулась к реке,
Поскользнулся, упал. Из охапки его
Ветки выпали на землю; пять же из них
Прямо в воду упали. Варнава хотел
Их достать, но увидел: упали они
И поплыли по тихим Ветлужским волнам
В виде букв «I» и «X»; да большая одна
Поплыла впереди, а поменьше – плыла
Позади остальных, а потом вдруг она
Завертелась по кругу, привстала в воде
И тихонько под мутную воду ушла,
Словно кто-то её под волну утянул.
Изумился Варнава, стоял и смотрел.
Ветка та, что была больше всех, понеслась,
Словно что-то её так и гнало вперёд;
Далеко унеслась по теченью она.
Ветка та, что была буквой «I», поплыла
Перед ветками, что составляли собой
Букву «X»; плавно плыли они по реке,
Уносясь вслед за первой. Варнава глядел,
Сидя возле воды, и казалось ему
Это знаком каким-то; понять он не мог,
Его сути; но мысль, что не просто же так
Ветки в воду упали, смущала его.
– Что задумался? – вдруг он услышал. Над ним
Брат Макарий стоял. Он в охапке держал
Целый ворох пушистых пахучих ветвей.
В это время к монахам ещё подошёл
И брат Тихон с пушистым букетом своим.

– Я вот думаю, братья, – Варнава сказал, –
О том празднике светлом, когда сам Христос
На ослице въезжал в город Иерусалим.
Был ли светел Иисусу тот памятный день,
Если знал наперёд он и дни, и судьбу?
Как же горек, должно быть, казался ему
Этот праздник веселья несчастной толпы!
Ведь, подумайте, братья, что было тогда:
Весь народ ликовал, как въезжал в светлый день
Он в Иерусалим на ослице своей.
Горожане встречали его, как царя.
Ветки пальм в их руках поднялись словно лес.
Все кричали, бросая из лавра венки
Перед ним, ветки пальм и одежду свою,
Устилая дорогу ему, как царю.
И, наверное, люди кричали тогда:
«Вот во имя Господне идёт светлый царь!
Слава Сыну Давида! Он благословен!
Он грядёт перед нами во веки веков!»
И, казалось: вот-вот торжество на земле
Воцарит, воссияет всей правдой своей,
И не будет веселью и счастью конца.
Но… шесть дней лишь пройдёт: тот же самый народ
Будет яро кричать, чтоб распяли его!
А ведь он, когда въехал в Иерусалим
И смотрел, как ликует счастливый народ,
Что, встречает его как царя своего,
Он ведь знал, что неделя ещё не пройдёт,
Как они же все будут Пилату кричать:
«Нам Варавву отдай, а Иисуса распни!»
Как же горек, должно быть, казался ему
Этот праздник веселья несчастной толпы!
– Что за мысли, Варнава, волнуют тебя! –
Брат Макарий сказал. – Нам ли это судить?
А не горько ли было ему на кресте
С бренным телом прощаться за наши грехи?
Ведь не только народ, и апостолы все
Разбежались, предав и покинув его.
Что твердить об Иуде, ему сам Иисус
Повелел: «Что ты делаешь, делай скорей!»,
Ибо знал, что не выпить всей чаши ему,
Если выбранный им не исполнит того,
Что заранее Бог предназначил уже.
Разве хлеба кусок, что в вино обмакнул,
Не Иисус ему дал? А ведь с этим куском
В сердце Искариота вошёл сатана.
Иисус это знал и поэтому он
Повелел: «Что ты делаешь, делай скорей!»
Но его и другие предали, сбежав.

Пётр, так трижды отрёкся, а значит – предал.
Так не горько ли было ему одному,
На кресте распинаться за наши грехи?
Но за всех он прощенья просил у Отца.
Он простил. Всех простил. И предавших его,
И Иуду, и тех, что кричали: «распни!!!».
Так о чём нам грустить в светлый праздник весны?
Разве можем кого-то мы в чём-то винить,
Если сам Бог простил и грехи отпустил;
Если даже и волос не может упасть
Без веления свыше? О чём же грустить?
– Что ты, брат мой Макарий, – Варнава сказал. –
Не сужу, не виню я совсем никого.
Ни народ, что сначала Иисуса встречал,
Как царя своего, а потом распинал,
Ни Иуду предавшего… я не о том.
Я лишь понял теперь, как, должно быть, тогда
Горек был для Иисуса тот праздник толпы.
Горек был путь земной, где его не могли
Даже ученики так, как нужно, понять.
А ведь, кажется, проще-то нет ничего:
Нужно только любить! Только жить по любви!
Вот и всё. И прощать. И друг другу служить…
Я вот выронил веточки в воду, они
Знаком виделись мне… – И Варнава друзьям
Рассказал всё, что видел, да только никто
Не сумел разгадать вербных веточек знак.
Только Тихон, подумав немного, сказал:
– Может, эти пять веточек – мы: вы и я,
Да и Фёдор, да Петька…
– А может, – пять лет?
Сколько мы уж… три года идём по реке… –
Брат Макарий добавил. Варнава сказал:
– Что гадать? Если знак, – сами после поймём.
Ты вот верно, Макарий, про волос сказал,
Что без ведома свыше не может упасть.
Так вот я и подумал, что я-то упал,
Поскользнувшись: то, видимо, тоже не зря.
Я ж не волос бездумный. Поэтому мне
В этом видится знак. Свыше знак. Но какой?
Ведь не может же быть неразгаданным знак,
Потому что зачем тогда послан он был?
И не зря ж эти веточки выронил я.
Лазарь нынче воскрес. Значит, ждать нам чудес.
– Если дан тебе знак, то придёт и ответ, –
Отвечал ему Тихон. – Теперь же пора,
Поспешим, чтоб украсить нам вербою стан... –
В стане светлом, в деревне Колы и в домах
Возле стана, в Пристанье, повсюду, везде

Ветки вербы пушистой встречали людей.
Красный угол в домах, окна, крыльца домов,
И хлева, и конюшни, ворота, забор,
Всё украшено вербой на праздник святой.
Вербу в хлеб запекали, кидали и в щи;
В форме вербы узор украшал пироги,
Рыбник в центре стола водружался; вокруг
Щи да каша, да хлеб, – всё простая еда;
Да берёзовый сок, да и бражки кувшин.
К стану много народу пришло в этот день
Из окрестных селений. Послушать пришли
Как Господь их, Иисус, перед Пасхой святой
Въехал в Иерусалим. Вместе пели псалмы.
И с Великого Новгорода заплывал
На Ветлугу ушкуй; люд торговый на нём.
Удивлялись купцы, видя вербу кругом;
И понравилось им, что украшено всё
Пышной вербой. Сказали купцы, что теперь,
Как вернутся домой, тоже в праздник святой
Будут вербой дворы и дома украшать.
И украсили вербою лёгкий ушкуй.
Рассказали о том, что творится теперь
За Ветлугой, за Волгой, в далёких краях,
Расспросили и сами о тех городах,
Что стоят на Ветлуге. Привет привезли
Для монахов от старца на Красной Горе.
Обещали и старцу привет передать.
Да недолго они задержались в гостях,
Повернули назад, чтобы к Волге идти
И домой возвращаться с товаром своим.
Молодёжь хороводы водила в лесу
Ветки вербы пушистой друг другу даря.
А с вечерней зарёй загорелись костры
И красивые песни поплыли в тиши,
Словно белые лебеди в летнем пруду.
Нет для песни преград, нет для песни границ,
Где захочет, летает, как птица в лесу,
Где захочет, гнездо себе песня совьёт
И останется жить там, где слышат её.
С этих пор на Ветлуге справляли всегда
Праздник вербы. Потом, через годы уже,
От ветлужских лесов к новгородцам ушёл
Этот праздник, и в летопись там он попал.

3. Ночная встреча

Петька спал. Уж заря затухала совсем.
Фёдор вышел пройтись перед сном, посмотреть,
Всё ли тихо вокруг. Возле стана костры

У телег полыхали, а возле костров
Спали люди вповалку, кто прибыл сюда
Из далёких селений, и кто не нашёл
Ни в Колах, ни в Пристаньи ночлега себе.
И в лесу у Пристанья горели костры,
Но другие: не спали у этих костров;
Молодёжь там всё тихие песни вела.
Фёдор близко не стал подходить к молодым,
А стоял одиноко в лесу и смотрел,
Слушал песни и Машу свою вспоминал;
И раскидистый клён, и просторный их дом.
Никогда он теперь не вернётся туда,
А иначе умрёт от безумной тоски.
И опять на глаза его вышла слеза,
Но уж он не ревел, как голодный медведь,
Он уж волком не выл. Он в далёком лесу
Отревел и отвыл; а теперь лишь стоял,
Молча плакал, слезами лицо омывал.
– Не тужи, – вдруг услышал Шарьинец. Он вмиг
Оглянулся на голос. В потёмках стоял
Одинокий старик на тропинке лесной;
В шапке заячьей, в тёплом кафтане, в лаптях,
Что завязаны были до самых колен,
На штаны платяные; его борода
Доходила до пояса. В правой руке
Длинный посох держал он. А в левой руке
Небольшой узелок. За спиной же его
Узел больше висел. Старец снова сказал:
– Не тужи. Всё пройдёт. Если жив человек,
Всё он вынесет. Только не надо тужить…
– Кто ты? – Фёдор спросил. – Что ты делаешь здесь?
– Я ко старцу иду, что на Красной Горе.
Издалёка иду. Из-под Вологды я.
В деревнях-то уж слышал про новый ваш стан.
Только в стан не пойду. Ночь уж. Спят все, поди.
А меня, пока ноги несут, так иду,
А устану, прилягу: дам отдых ногам,
Да и снова в дорогу. Что день мне, что ночь,
Я давно уж не сплю: Бог лишил меня сна.
Я ночей не боюсь. Мне-то, в годы мои,
Ничего уж не страшно. И смерть всё милей.
Мы уж с ней как родные. Она меня ждёт.
Ну а я, жду её. Да никак не дождусь…
Слышал, есть в вашем стане Варнава монах.
Говорят, больно печи кладёт хорошо…
– Есть Варнава, – ответил Шарьинец ему.
– Видел печь-то его я в деревне одной.
Хвастал больно печник, что Варнава его
Печи класть научил. Жар в избе-то стоит,

А в трубе дыма нет… Я и сам печи клал.
Да всё больше без труб. Дым-то в крышу пускал…
Ты вот, на-ка, снеси ему мой узелок.
Да скажи, передал, мол, Никола, старик.
Ну а мне уж пора. Заболтался с тобой… –
Старец Фёдору сунул в ладонь узелок
И сказал, поклонившись:
– А что же ты сам
К молодым не идёшь? Хватит горе жалеть!
Вон, костры-то как ярко горят, погляди… –
И Шарьинец опять посмотрел на костры,
Что горели в Пристаньи у леса в ночи.
Снова вспомнил он Машу, рука у него
Поднялась, чтобы сжать в кулаке образок,
Что на Маше висел, а теперь уж – на нём…
Но в руке узелок старика ощутив,
Оглянулся Шарьинец, сказать старику,
Что теперь уж не радуют больше его
Молодёжные игры, их шутки и смех…
Посмотрел, а на месте уж нет старика.
Огляделся: вокруг только сумрачный лес.
Он не слышал: когда и куда тот ушёл.
Но тропинка лесная лежала пуста.

4. В дорогу

Ночью Фёдор Варнаву будить не хотел.
Рано утром, едва лишь забрезжил восток,
Умывались монахи водой ключевой
Во дворе. Фёдор тут и отдал узелок,
Рассказав, как он встретил в лесу старика.
Но Варнава едва развязал узелок,
Как оттуда, вспорхнув, улетел воробей.
– Что за шутки!? – отпрянув, Варнава спросил.
– Там есть что-то ещё, – инок Тихон сказал.
Осторожно Варнава совсем развернул
Узелок и смотрел, поражённо, в него.
В узелке как игрушечка лодка лежит
Из тугой бересты, и пять веточек с ней
Светлой вербы пушистой: одна подлинней,
Три равны, и одна всех короче лежит.
– Что молчишь, брат Варнава? – Макарий спросил.
– Что сказать, я не знаю. Но вижу теперь,
Что нам медлить нельзя. Не простой то старик
Тебя встретил в лесу, друг наш Фёдор. Скажи,
Как он выглядел, что он ещё говорил? –
Фёдор снова о встрече своей рассказал.
– Он Николой назвался? – Макарий спросил.
– Да, Николой. Сказал, из-под Вологды, мол…

– Может, это Никола Угодник пришёл,
Чтобы знак нам подать? – инок Тихон сказал. –
Но, зачем воробей?
– Чтоб не медлили мы.
Надо лодку готовить. Сегодня же – в путь!
Нам в пути будет легче и пост соблюдать. –
Сборы были не долги. Хотели они
Петьку снова оставить жить в тихом скиту.
Но теперь Петька твёрд был, стоял на своём.
Он сказал, что его от стрелы не спасло,
То, что он не поехал со всеми в тот раз.
От судьбы не укрыться. А он хочет быть
Рядом с Фёдором. Если его не возьмут,
Всё равно он сбежит, и хоть следом пойдёт,
По пятам, но от Фёдора он – ни на шаг!
Он уж так поступал, и поступит ещё.
А за станом и так есть, кому присмотреть.
Замолчали монахи и взгляды свои
На Шарьинца направили: что скажет он?
Фёдор хмурился долго. Он знал, что теперь
Хан Казанский пришлёт и другие войска.
Знал, что скоро придётся ему защищать
Приветлужские земли в жестоких боях.
Но и Петька, хоть ростом он был не велик,
Уж ему доказал он и храбрость свою,
И настойчивость. Глупо держать воробья
В тесной клетке, когда он для воли рождён.
– Что ж, – ответил Шарьинец. – Не брат я тебе,
Если силой теперь я заставлю тебя
Быть в разлуке со мной. И тебе ни к чему
Одному горе мыкать на этой земле.
Если б взял я тогда и тебя, и жену

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.